

На старой софоре поселилась стайка птиц, чьи перья переливались на солнце, словно драгоценный нефрит.

Порой по утрам Хун Сюин находила на подоконнике дикие ягоды, еще хранящие капли росы, или небольшие пучки редких целебных трав, от которых веяло свежестью влажной земли.

Бывали ночи, когда при свете яркой луны Хун Сюин замечала маленькую змейку, чья чешуя сияла подобно отполированному нефриту. Та обвивалась вокруг каменного жернова во дворе и, замерши, ловила лунные лучи. Случалось ей видеть и упитанного хорька: тот вставал на задние лапы и, подражая человеку, неловко кланялся в сторону, где спал Ши Ань.

Это были лесные духи, наделенные зачатками разума.

Сначала Хун Сюин удивлялась, но, видя их чистые глаза, доброжелательное поведение и даже некую осторожную преданность, она приняла их с легким сердцем.

Женщина была добра душой, и если у неё оставались лишние сладости или похлебка, она раскладывала их по чистым глиняным черепкам и оставляла в углу двора, под старой софорой.

На следующее утро блюда всегда оказывались вылизаны дочи́ста.

Хун Сюин чувствовала, что сейчас её жизнь стала спокойнее и отраднее, чем когда-либо после смерти мужа или даже с тех пор, как она вошла в семью Янь.

Живя в этом маленьком, аккуратном дворике, наблюдая, как Ши Ань день за днем растёт в своей колыбели, окруженная толпой пушистых, понимающих человеческую ласку существ, она чувствовала, как её сердце наполняется умиротворением, в котором больше не было места печали.

Она давно заметила необычность этих созданий, но разве это имело значение?

У них были ясные глаза и простые помыслы — для неё они были лишь милыми детьми, оберегающими её дом.

Однако необычная аура этого места привлекла внимание местного божества — Туди-по.

В ту ночь, когда лунный свет заливал землю, словно вода, Туди-по, облаченная в грубое коричневое одеяние и опирающаяся на посох из драконьего дерева, явилась из храма у входа в деревню, чтобы совершить свой ночной обход.

Когда она подошла к маленькому двору Хун Сюин, её мутные, но пронизательные старческие глаза вдруг ярко блеснули, а лицо, исчерченное глубокими морщинами, выразило крайнее

изумление.

В глазах настоящего божества картина предстала совсем не такой, какой её видели простые смертные.

Над крошечным двориком висел слой мягкой, величественной, бледно-золотистой ауры умиротворения. Он напоминал перевернутую чашу из лазурита, плотно укрывавшую дом.

Энергия была чистой и теплой.

Еще больше её поразило то, что происходило внутри: лисы, дремавшие у стены, были окутаны слабым, но кристально чистым белым сиянием — они самостоятельно впитывали лунную энергию, что свидетельствовало о том, что эти духи встали на путь праведного самосовершенствования.

Все живые существа жили здесь в гармонии.

Взгляд Туди-по наконец остановился на главном доме, источнике этой ауры.

Она ясно видела, как от младенца в колыбели исходило мягкое свечение, подобное крошечному солнцу. Да и от женщины, что при свете лампы шила одежду для сына, исходила чистая и спокойная энергия.

— Ох... — Туди-по тихо выдохнула, и её рука, сжимавшая посох, слегка задрожала — не от страха, а от волнения. — Этот ребенок-сирота, рожденный в доме Хун Сюин, обладает великими заслугами. Какое же благочестие нужно было накопить в прошлой жизни, чтобы заслуги в этой стали столь значимыми?

Раньше она тайно присматривала за Хун Сюин, боясь, что молодую вдову с ребенком обидят односельчане. Но теперь она поняла: разве нужна здесь помощь старухи?

На лице Туди-по расцвела довольная, добрая улыбка. Она не стала показываться, чтобы не тревожить обитателей.

Лишь слегка стукнув посохом о землю, она направила еще более чистую и мягкую энергию земных жил в фундамент дома.

— Хорошо... как же хорошо... То, что под моей опекой появилось такое благословенное место, — истинная удача этой земли. Госпожа Хун, малыш, живите спокойно, старуха присмотрит за вами.

Духи во дворе уже погрузились в медитацию или сон, и лишь Бай Лин, стоявший на страже,

чутко дернул ухом, уловив в ветре нечто необычное — отголосок ледящего убийственного намерения.

В то же время, в нескольких ли от двора, поместье Цинь, ныне опустевшее, было окутано холодной тишиной.

В глубине бамбуковой рощи за пределами усадьбы шевельнулись тени. Около десятка людей в черном, двигавшихся столь ловко, что они сливались с ночной тьмой, бесшумно устроили засаду на единственной дороге, ведущей к поместью.

Их дыхание было размеренным, взгляды — острыми, как у ястребов. Оружие в их руках лишь на мгновение сверкнуло в лунном свете, прежде чем снова уйти в тень.

Человеком, возглавлявшим отряд, был Цинь Лу, жестокий и беспощадный дворецкий Тайши Цинь, привыкший вершить все грязные дела господина. Сейчас его лицо было холодным, как камень, а в глазах не было ни капли тепла — только безразличие и хладнокровие исполнителя.

— Слушайте внимательно, — голос Цинь Лу был едва слышным, но пробирал до костей. — Цель — Сун Цичэнь. Приказ Тайши: этот негодяй обнаглел настолько, что посмел оскорбить семью Цинь, его нельзя оставлять в живых. Сделайте все чисто. Обставьте как нападение лесных разбойников ради наживы или как несчастный случай, действуйте по обстоятельствам.

Он замолчал, и в уголках его губ заиграла жестокая усмешка.

В ушах еще звучали слова Тайши Цинь, сказанные в кабинете: Всего лишь сын мелкого чиновника, он возомнил, что может перевернуть небо, если у него в руках есть некий козырь? Цинь Хуань — глупец, раз позволил такому отребью загнать себя в угол... Какая разница, что у него есть? Сделайте так, чтобы он бесследно исчез.

Люди Тайши Цинь тщательно разузнали: после того случая в поместье Сун Цичэнь не обмолвился ни словом ни единой душой. Это значительно упрощало задачу. Свидетель, который не успел разболтать секрет, был самой легкой мишенью.

Вдали послышался топот копыт и стук колес.

С того дня, как он вернулся из поместья, Сун Цичэнь стал словно другим человеком.

В столичных борделях больше не видели господина Суна, швырявшегося золотом, а его любимые вина и красавицы стали казаться пресными.

Он запирался в своем доме, лежал на шелковой тахте, ворочаясь с боку на бок, как на сковороде, не зная покоя.

Стоило ему закрыть глаза, как в голове всплывало лицо Цинь Хуаня, полное боли, унижения и, вместе с тем, странно притягательное. Каждая деталь была подобна опиуму, поджигавшему его кровь, заставляя пересыхать во рту и лишая покоя.

Но, приходя в себя, он понимал, какую глупость совершил. Кого угодно можно было трогать, но зачем он связался с семьей Цинь?

Однако в течение нескольких дней эта жгучая, проникающая в кости жажда не утихала, а лишь усиливалась, будто тысячи муравьев ползали у него под кожей. Все вокруг вызывало раздражение, и лишь воспоминание о Цинь Хуане заставляло его тело непроизвольно дрожать.

Он больше не мог сдерживаться. Найдя предлог, он взял с собой нескольких доверенных слуг и среди ночи поскакал к тому самому поместью в пригороде.

Он рассчитывал: даже если не получится взять силой, как в прошлый раз, он всегда сможет найти способ выманить его хитростью или угрозами.

Но, примчавшись к поместью, он обнаружил, что ворота плотно заперты, а во дворе царит запустение — люди исчезли!

— Где они?! — Сун Цичэнь, ошеломленный и разъяренный, схватил за грудки управляющего поместьем.

Тот, перепуганный до смерти, заикаясь, ответил:

— Возвращаюсь к вам, благородный господин... молодой господин Цинь несколько дней назад был... был отозван обратно в резиденцию... А поместье временно закрыли...

Сун Цичэнь словно окатили ледяной водой. Пламя страсти, полыхавшее в груди, почти погасло, а на смену ему пришли пустота и еще более сильное раздражение.

Вернулся в поместье Цинь?!

Он инстинктивно хотел развернуть коня и помчаться прямо к резиденции великого наставника. Но стоило этой мысли возникнуть, как её подавил холодный страх.

Это ведь резиденция великого наставника! Цинь Хуэй, этот старый лис!

Хотя у него и был тот постыдный компромат на Цинь Хуаня, если дело дойдет до Тайши Цинь, тот старик, желая спасти репутацию семьи, не задумываясь уничтожит Сун Цичэня!

Нет... туда нельзя... этот старик действительно может переломать мне ноги или вовсе лишить

жизни...

Он метался вокруг пустого поместья, как голодный волк, запертый в клетке, и в конце концов, с досадой развернул коня.

По дороге назад лицо его было чернее тучи, а в голове снова и снова всплывали детали того дня. Чем больше он думал, тем сильнее становилось зудящее нетерпение, тем больше росло гнетущее раздражение.

Цинь Хуань... от монаха убежишь, а монастырь никуда не денется!

Однако, погруженный в свои желания, Сун Цичэнь не заметил, что с момента приближения к поместью Цинь он сам стал добычей.

Когда они доехали до уединенной горной тропы, совсем недалеко от монастыря Линьинь, смерть настигла их!

— Ш-ш-шу! — стрела, смазанная ядом, пробила стенку экипажа и точно вошла в грудь Сун Цичэня.

Он широко раскрыл глаза; резкая боль и удушье мгновенно сковали его, он даже не успел издать полноценный крик.

— Убийцы! Защищайте молодого господина! — стражники в ужасе обнажили мечи, но люди в черном, затаившиеся в лесу, выскочили, подобно призракам. Блеск стали, брызги крови...

Слуги Сун Цичэня сражались до последнего, но были не чета нападавшим и вскоре пали.

В суматохе один из верных телохранителей, умирая, столкнул тяжело раненого Сун Цичэня с крутого склона. Тот покатился по зарослям кустарника и с глухим плеском рухнул в бурные воды реки под обрывом.

Черные тени подошли к краю, взглянули на бурный поток и на неподвижное тело, плывшее неподалеку. Убедившись, что цель поражена стрелой и шансов выжить нет, они быстро убрали следы и, столь же бесшумно, как пришли, отступили, возвращаясь в поместье Цинь с докладом.

В это же время, за монастырем Линьинь.

Маленький монах Бичин, наказанный Гуанляном за провинность рубкой дров, с кислой миной размахивал топором, когда вдруг услышал шум со стороны берега.

Любопытство взяло верх, он заглянул вниз и увидел... что-то плывет по воде.

Человек!

— Ой! Беда! Кто-то утонул! — перепуганный Бицин бросил топор и, спотыкаясь, помчался к реке. С великим трудом он вытащил тело на берег.

Лицо утопленника было синюшным, губы почернели, из груди торчал короткий наконечник стрелы, дыхание едва теплилось.

— Амитабха! Амитабха! Что же делать?! — в панике воскликнул Бицин, взвалил тяжелое «тело» на спину и побежал к монастырю. — Помогите!

Внутри монастыря Цзигун, задрав ноги, ковырял в носу в своей келье. Услышав вопли, подобные пороссячьим, он лениво вышел наружу.

Увидев Сун Цичэня, от которого осталось лишь полвздоха, он сморщил нос, сложил пальцы в мудре, вычисляя судьбу, и на его лице появилось понимание, смешанное с досадой.

— Эх, злая карма, злая карма...

Он забормотал, достал из своих рваных одежд черную, неказистую «пилюлю, от которой ноги протянешь» и сунул её в рот Сун Цичэню.

Лекарство растаяло мгновенно, мощная жизненная энергия тут же защитила сердце Сун Цичэня, вытеснив часть яда и вырвав его из лап смерти.

Рана от стрелы перестала кровоточить и затянулась прямо на глазах, но внутренние органы были сильно повреждены, потери крови и перенесенный шок были слишком велики. Жизнь удалось спасти, но Сун Цичэнь оставался в глубоком беспамятстве.

— Занесите его внутрь и присмотрите, — Цзигун взмахнул рваным веером и зевнул. — Счастье это или беда — пусть сам решает по своей судьбе.

В кабинете резиденции великого наставника горели свечи.

Дворецкий Цинь Лу, опустив голову, в деталях доложил о том, что «разбойники убили Сун Цичэня, и тот упал со скалы, пропав без вести».

Цинь Хуэй сидел в кресле великого наставника, постукивая пальцами по столу из розового дерева, по его лицу нельзя было понять, гневается он или доволен.

Спустя долгое время он медленно проговорил, в голосе его слышались легкая усталость и холодная твердость:

— Хорошо. Раз все сделано чисто, на этом и закончим.

Он помолчал, в глазах мелькнуло разочарование и нетерпение по отношению к сыну, и добавил:

— Об этом сообщении не стоит говорить молодому господину. Он не умеет держать язык за зубами, а характер у него взбалмошный — узнает, только лишних проблем наживем. Следи, чтобы слуги молчали.

— Слушаюсь, господин, — Цинь Лу все понял и поклонившись, вышел.

В кабинете снова воцарилась тишина, лишь Цинь Хуэй остался сидеть, глядя на танцующее пламя свечи.

Тем временем дом Сун погрузился в хаос.

Молодой господин не вернулся домой. Сначала думали, что он снова где-то кутит, но к полудню следующего дня его так и не нашли. Слуги отправились на поиски и обнаружили у дороги следы яростной драки и тела охранников, но самого Сун Цичэня не было ни живого, ни мертвого — он словно испарился.

Министр Сун был в ярости и смятении, но не имея ни одной зацепки, вынужден был скрывать известие, направляя все свои силы на тайный розыск.

А Цинь Хуань, находясь у себя в покоях, случайно услышал разговоры слуг: «Кажется, с тем молодым господином из дома Сун что-то случилось, он исчез». Сначала он замер, а затем его охватило безумное ликование.

Мертв? Ха-ха! Вот это возмездие! За то, что посмел унижить меня! Теперь я поправился, а он получил по заслугам! Больше никто не сможет шантажировать меня!

Он чувствовал, как гнев, душивший его много дней, наконец рассеялся, и даже небо за окном показалось ему светлее.

За обедом у него проснулся зверский аппетит — он съел на полмиски больше обычного и даже придирался к соли в блюдах.

Однако это болезненное возбуждение длилось недолго. После полудня служанка, по обыкновению, принесла ему целебный отвар, назначенный семейным лекарем, в который было

подмешано сильное успокоительное.

Цинь Хуань с легким сердцем осушил чашу.

Не прошло и полчаса, как знакомая, непреодолимая тяжесть сна нахлынула на него подобно приливу. Улыбка еще не успела сойти с его лица, как взгляд стал тускнеть.

Действие отвара, словно тяжелое одеяло, плотно укутало Цинь Хуаня, увлекая в глубокий, бездонный сон.

В комнате стало пугающе тихо.

Слуга, оставленный присматривать за ним, был молодым человеком, который обычно и слова не мог вымолвить в присутствии Цинь Хуаня.

Сначала он просто стоял в изножье кровати, исполняя свой долг. Но время шло, а молодой господин все спал и спал.

Слышалось лишь его тяжелое, влажное дыхание.

Дверь отворилась, и стражники, подчиненные Цинь Хуаня, один за другим вошли в комнату. Подобно бродячим псам, они поползли на тахту, тихонько забираясь на кровать.

Кто-то сзади осторожно прижался к нему, протянул руки и дрожащими пальцами крепко обнял это теплое, но хрупкое тело.

Цинь Хуань в полусне, казалось, что-то почувствовал, издав тихий, невнятный стон.

Проснувшись, Цинь Хуань почувствовал странную горечь во рту, а руки сильно ныли. Нужно сменить ингредиенты в этом отваре — слишком дерет горло.

В пояснице и позвоночнике... нет, по всему телу... липко. Видимо, пропотел.

Он резко сел, и это движение вызвало такую боль, что он втянул воздух сквозь зубы и нахмурился.

Только сейчас он заметил, что на подножии кровати свернулся калачиком спящий слуга — судя по позе, он просидел так долгое время.

В другое время за такое неуважение он бы уже ударил его ногой. Но сейчас радость от того, что враг исчез, занимала все его мысли, и он лишь раздраженно пнул слугу по ноге.

— М-м... — слуга проснулся, осоловело поднял голову и встретился взглядом с затуманенными и сердитыми глазами Цинь Хуаня.

Он тут же окончательно протрезвел, задрожал и начал неловко опускаться на колени, избегая смотреть на господина.

— Дрянь, спал как убитый! — Цинь Хуань не стал разбираться, почему тот здесь оказался, не заметив странного выражения на лице слуги. У него была лишь одна навязчивая мысль. — Иди, вели им немедленно приготовить воду, я хочу купаться, сейчас же!

Слуга, словно получив прощение, закивал, стучаясь лбом об пол, и почти на четвереньках выполз вон.

Цинь Хуань прислонился к изголовью, машинально погладив себя по животу.

Все позади...

То, что случилось... пока он сын великого наставника и никто не может проболтаться, он может делать вид, что этого никогда не было.

Цинь Хуань чувствовал, что почти восстановился, на нем немногоросло мясо, и хотя он не был таким крепким, как раньше, он наконец перестал выглядеть как умирающий.

Чувство удушья, вызванное долгим заточением в резиденции, достигло пика, и его разгульное сердце больше не могло сдерживаться — ему не терпелось вновь обрести былую славу и как следует развлечься.

Он тщательно оделся, облачившись в самый модный шелковый халат, и в окружении свиты вальяжно направился в самый известный столичный «Павильон мягкого шелка».

Он ожидал встречи со старыми знакомыми, привычных сцен, где красавицы сами бросаются в объятия, но, едва ступив в зал, наполненный ароматами пудры, почувствовал неладное.

Ему стало не по себе. Посетители, пирующие в зале, и даже пробежавшие мимо мальчишки-слуги — все бросали на него странные взгляды.

В них не было открытой злобы, но была какая-то слишком пристальная, липкая настойчивость, словно он был какой-то диковинкой, от которой невозможно отвести взгляд.

— Господин Цинь, сколько времени мы вас не видели... — один знакомый повеса уже естественным жестом собрался положить руку ему на плечо.

Эта манера напомнила ему об этом проклятом мертвом Суне.

Цинь Хуань инстинктивно хотел сбросить эту слишком фамильярную руку, но обнаружил, что, когда его схватили, он не смог вырваться.

Большой палец того человека слегка и настойчиво прошелся по его предплечью.

Он нахмурился, в сердце зародилось странное чувство.

подавив неприятные ощущения, он отделался дежурной шуткой, нашел повод, чтобы вырваться из круга знакомых, и поспешил в свой привычный отдельный кабинет.

Всю дорогу он чувствовал на спине эти невидимые, все более липкие взгляды.

Казалось, он больше не тот господин Цинь, что бесчинствовал в столице, опираясь на влияние семьи, а превратился в... в ходячую мишень, источающую некое особое притяжение.

— Чтоб тебя... — пробормотал он, толкая дверь кабинета, пытаясь отгородиться от всех этих неприятных взглядов.

В кабинете теплый воздух согревал до костей, сладкий аромат благовоний, переплетенный с розовыми шелками, создавал атмосферу ленивого оцепенения.

Цинь Хуаню помогли снять верхнюю одежду, он лег на мягкий матрас, наслаждаясь услугами первой красавицы павильона.

Прохладное эфирное масло капало на спину, затем его втирали теплые ладони, вызывая приятную дрожь.

Он блаженно закрыл глаза, позволив девушке даже завязать их легкой шелковой повязкой, готовясь погрузиться в долгожданную негу.

Однако постепенно он почувствовал неладное.

Ощущение рук у него на спине... изменилось.

Они стали грубыми.

<http://bllate.org/book/21973/2283001>